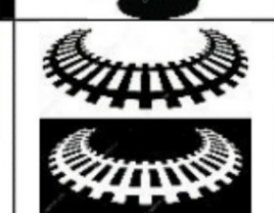
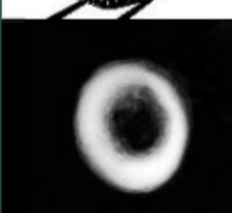
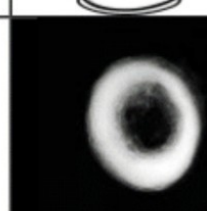
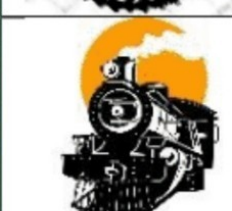
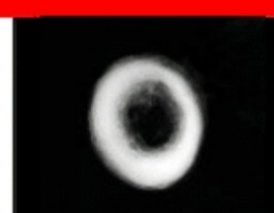
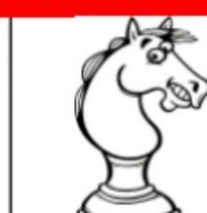

Кирилл Аксасский

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕАТР : ПЬЕСЫ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

К 200-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

СОВРЕМЕННОГО ПИСАТЕЛЯ

С днём рождения, Иван Сергеевич! Часть I

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

16+

ПО РОМАНУ И.С. ТУРГЕНЕВА «ДЫМ»

Кирилл Аксасский
Дым отечества

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Аксасский К. Ю.

Дым отечества / К. Ю. Аксасский — «ЛитРес: Самиздат», 2018

9 ноября 2018 года исполнилось 200-лет со дня рождения Ивана Сергеевича Тургенева. Российская официальная пропаганда предпочла не заметить этот юбилей. Если вы прочитаете пьесу "Дым отечества", то поймёте почему...

© Аксасский К. Ю., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

И. С. Тургеневу

С днём рождения, Иван Сергеевич!

Фантазия для театра на вечные российские темы в двух частях

Пьеса написана к 200-летнему юбилею со дня рождения И. С. Тургенева – 9 ноября 1818 года.

Часть I. Дым отечества

В двух действиях без антракта

По роману И. С. Тургенева «Дым»

Опять увидеть их мне суждено судьбой!

Жить с ними надоест, и в ком не същещь пятен?

Когда ж постранствуешь, воротисься домой,

И дым отечества нам сладок и приятен.

А. С. Грибоедов «Горе от ума»

Действующие лица

Лаврецкий Фёдор Иванович – актёр, исполняющий роль Ивана Сергеевича Тургенева, русского писателя

Колосов Андрей Николаевич – актёр, исполняющий роль Человека в серых очках

Пасынков Яков Григорьевич – актёр, исполняющий роль Потугина Созонта Ивановича, персонажа романа И. С. Тургенева «Дым»

Санин Дмитрий Павлович – актёр, исполняющий роль Литвинова Григория Михайловича, персонажа романа И. С. Тургенева «Дым»

Кирсанов Павел Петрович – актёр, исполняющий роли генералов из романа И. С. Тургенева «Дым»

Стахова Елена Николаевна – приглашённый режиссёр-постановщик спектакля «С днём рождения, Иван Сергеевич» в Приокском областном драматическом театре

Аксасский Кирилл Юрьевич – драматург, автор пьесы «С днём рождения, Иван Сергеевич», которую ставят в Приокском областном драматическом театре

Действие первое

Понедельник 8 октября 2018 года, утро, 11-00. Зал и сцена Приокского областного драматического театра. На сцене посередине натянут транспарант с изображением фрагмента железнодорожного вагона с четырьмя прорезанными в нём окнами. На нижней части фрагмента вагона нарисована политическая карта северной части Евразии: Европа и Российская Федерация. По краям фрагмента вагона на крючках висят два разных типа генеральского кителя и головного убора [1].

Слева от транспаранта стоит письменный стол, на столе стопка чистой бумаги, наверху которой лежит ручка, книги, шахматная доска с расставленными фигурами, портрет Полины Виардо, около стола стул.

Справа от транспаранта стоит письменный стол, на столе стопка чистой бумаги, наверху которой лежит ручка, книги, «заржавленные железные очки со стеклышками серо-дымчатого цвета» [2], около стола стул. К боковой стороне правого стола, обращённой к зрительному залу, прикреплена пачка больших листов бумаги. Сейчас на верхнем листе этой пачки ничего не написано.

На сцену перед транспарантом с фрагментом вагона из разных мест закулисья, неодновременно, выходят действующие лица спектакля.

Стахова с Аксасским выходят вместе и последними.

Стахова. Доброе утро, коллеги. Сегодня, как и планировалось, очень хорошо, что всё состыковалось наконец-то, у нас прогон спектакля «С днём рождения, Иван Сергеевич» перед автором пьесы. Знакомьтесь, *(поворачивается к Аксасскому)* Кирилл Юрьевич Аксасский.

Аксасский *(с лёгким поклоном)*. Всем доброе утро.

Стахова. Кирилл Юрьевич, представляю Вам исполнителей ролей в первой части нашего спектакля *(Аксасский с каждым здоровается рукопожатием)*:

Фёдор Иванович Лаврецкий – Тургенев;

Андрей Николаевич Колосов – наш многоликий читатель-критик романа «Дым»;

Дмитрий Павлович Санин – Литвинов;

Яков Григорьевич Пасынков – Потугин;

Павел Петрович Кирсанов – наш троекратный генерал.

Господа, работаем таким образом: после прогона первого действия спектакля обсуждаем его с автором пьесы, потом обед в театральном буфете, затем прогон второго действия и его обсуждение с Кириллом Юрьевичем. Общий ориентир по времени – заканчиваем всё не позже 15-00, я знаю, что у Фёдора Ивановича, Андрея Николаевича и Павла Петровича сегодня ещё вечерний спектакль. Напоминаю, что до премьеры 9 ноября, в день рождения Ивана Сергеевича, остаётся всего лишь месяц. Так что работаем в полную силу и автора пытаем по полной: мы в следующий раз увидим его только на премьере. Все по местам. Начинаем.

Стахова и Аксасский спускаются в зрительный зал

и садятся на центральные места в 7 ряду по разные стороны от прохода.

Лаврецкий садится за левый стол, Колосов садится за правый стол, берёт со стола и одевает очки. Кирсанов уходит за правую кулису.

Санин и Пасынков уходят за транспарант с фрагментом вагона.

Тургенев *(сидит за столом и разбирает шахматную партию на доске, заглядывая в шахматный учебник)*. Он не играет, он точно узоры рисует.

Звучит романс «Утро туманное, утро седое»:

*на стихотворение И. С. Тургенева «В дороге» под музыку Э. А. Абазы
в исполнении В. С. Высоцкого*

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Тургенев *(передвигает фигуры на шахматной доске)*. Совершенный Рафаэль! [3]

*Во втором окне справа появляется Литвинов,
выглядывает в него и смотрит налево.*

Человек в серых очках *(бесстрастно)*. Какое проклятое... проклятое время...

Тургенев (*отодвигает шахматную доску, берёт в руки книгу и читает из романа «Дым»*). Он стал следить за этим паром, за этим дымом. Бесперывно взвиваясь, поднимаясь и падая, крутясь и цепляясь за траву, за кусты, как бы кривляясь, вытягиваясь и тая, неслись клубы за клубами: они непрестанно менялись и оставались те же... Однообразная, торопливая, скучная игра!

Литвинов. Дым, дым.

Тургенев (*читает*). И всё вдруг показалось ему дымом, всё, собственная жизнь, русская жизнь – всё людское, особенно всё русское.

Литвинов. Всё дым и пар, всё как будто беспрестанно меняется, всюду новые образы, явления бегут за явлениями, а в сущности все то же да то же; все торопится, спешит куда-то – и всё исчезает бесследно, ничего не достигая; другой ветер подул – и бросилось всё в противоположную сторону, и там опять та же безустанная, тревожная и – ненужная игра.

Тургенев (*читает*). Вспомнилось ему многое, что с громом и треском совершалось на его глазах в последние годы... Вспомнились горячие споры, толки и крики у Губарева, вспомнился и генеральский пикник...

Литвинов. Дым и пар.

Тургенев (*читает*). И даже всё то, что проповедовал Потугин ... дым, дым, и больше ничего.

*Во втором окне слева появляется Потугин,
выглядывает в него и смотрит на Литвинова.*

Человек в серых очках выходит к правому краю сцены и встаёт влоборота так, чтобы видеть и слышать разговор Литвинова и Потугина.

Потугин. Если вы позволите, я сам себя рекомендую: Потугин, отставной надворный советник, служил в министерстве финансов, в Санкт-Петербурге. Надеюсь, что вы не найдете странным... я вообще не имею привычки так внезапно знакомиться... но с Вами... Так я не беспокою вас?

Литвинов. Помилуйте, я, напротив, очень рад.

Потугин. В самом деле? Ну, так и я рад. Я слышал об вас много; я знаю, чем вы занимаетесь и какие ваши намерения.

Литвинов. Да, пожив в деревне, я пристрастился к хозяйству и понял, что имение моей матери, плохо и вяло управляемое моим одряхлевшим отцом, не даёт и десятой доли тех доходов, которые могло бы давать, и что в опытных и знающих руках оно превратилось бы в золотое дно. Но я также понимал, что именно опыта и знания мне недоставало, и отправился за границу учиться агрономии и технологии, учиться с азбуки. Четыре года с лишком провел в Мекленбурге, в Силезии, в Карлсруэ, ездил в Бельгию, в Англию, трудился добросовестно, приобрел познания.

Потугин. Дело хорошее. Ну что, понравилось Вам наше Вавилонское столпотворение у Губарева?

Литвинов. Именно столпотворение. Вы прекрасно сказали. Мне всё хотелось спросить у этих господ, из чего они так хлопочут?

Потугин (*вздыхнул*). В том-то и штука что они и сами этого не ведают-с. В прежние времена про них бы так выразились: "Они, мол, слепые орудия высших целей; ну, а теперь мы употребляем более резкие эпитеты. И заметьте, что, собственно, я нисколько не намерен обвинять их; скажу более, они все... то есть почти все, прекрасные люди. Да, да, все это люди отличные, а в результате ничего не выходит; припасы первый сорт, а блюдо хоть в рот не бери.

Тургенев (*читает*). Литвинов с возрастающим удивлением слушал Потугина: все приемы, все обороты его неторопливой, но самоуверенной речи изобличали и уменье и охоту гово-

рить. Потугин точно и любил, и умел говорить; но как человек, из которого жизнь уже успела повытравить самолюбие, он с философическим спокойствием ждал случая, встречи по сердцу.

Потугин (*уныло*). Да, да, это все очень, странно-с. И вот еще что прошу заметить. Сойдется, например, десять англичан, они тотчас заговорят о подводном телеграфе, о налоге на бумагу, о способе выделывать, крысы шкуры, то есть о чем-нибудь положительном, определенном; сойдется десять немцев, ну, тут, разумеется единство Германии явится на сцену; десять французов сойдется, беседа неизбежно коснется "клубнички", как они там ни виляй; а сойдется десять русских, мгновенно возникает вопрос о значении, о будущности России, да в таких общих чертах, бездоказательно, безвыходно.

Жуют, жуют они этот несчастный вопрос, словно дети кусок гуммиластика: ни соку, ни толку. Ну, и конечно, тут же, кстати, достанется и гнилому Западу. Экая притча, подумаешь! Бьет он нас на всех пунктах, этот Запад, – а гнил! И хоть бы мы действительно его презирали, а то ведь это все фраза и ложь. Ругать-то мы его ругаем, а только его мнением и дорожим, то есть, в сущности, мнением парижских лоботрясов.

Литвинов. Скажите, пожалуйста, чему вы приписываете несомненное влияние Губарева на всех его окружающих? Не дарованиям, не способностям же его?

Потугин. Нет-с, нет-с; у него этого ничего не имеется...

Литвинов. Так характеру, что ли?

Потугин. И этого нет-с, а у него много воли-с. Мы, славяне, вообще, как известно, этим добром не богаты и перед ним пасуем. Господин Губарев захотел быть начальником, и все его начальником признали. Что прикажете делать?!

Правительство освободило нас от крепостной зависимости, спасибо ему; но привычки рабства слишком глубоко в нас внедрились; не скоро мы от них отделаемся. Нам во всем и всюду нужен барин; барином этим бывает большею частью живой субъект, иногда какое-нибудь так называемое направление над нами власть возымеет... теперь, например, мы все к естественным наукам в кабалу записались... Почему, в силу каких резонов мы записываемся в кабалу, это дело темное; такая уж, видно, наша натура. Но главное дело, чтоб был у нас барин. Ну, вот он и есть у нас; это, значит, наш, а на все остальное мы наплевать! Чисто холопы! И гордость холопская, и холопское уничижение. Новый барин народился – старого долой! То был Яков, а теперь Сидор; в ухо Якова, в ноги Сидору!

Вспомните, какие в этом роде происходили у нас проделки! Мы толкуем об отрицании как об отличительном нашем свойстве; но и отрицаем-то мы не так, как свободный человек, разящий шпагой, а как лакей, лупящий кулаком, да еще, пожалуй, и лупит-то он по господскому приказу. Ну-с, а народ мы тоже мягкий; в руки нас взять не мудрено.

Вот таким-то образом и господин Губарев попал в барья; долбил-долбил в одну точку и продолбился. Видят люди: большого мнения о себе человек, верит в себя, приказывает – главное, приказывает; стало быть, он прав и слушаться его надо. Все наши расколы, наши секты именно так и основались. Кто палку взял, тот и капрал.

Литвинов. Вы как с Губаревым познакомились?

Потугин. Я его давно знаю-с. Он и славянофил, и демократ, и социалист, и все что угодно, а именем его управлял и теперь еще управляет брат, хозяин в старом вкусе, из тех, что дантистами величали. А ведь только за ним и есть, что он умные книжки читает да все в глубину устремляется. Какой у него дар слова, вы сегодня сами судить могли; и это еще, слава богу, что он мало говорит, все только ежится. Потому что когда он в духе да нараспашку, так даже мне, терпеливому человеку, невмочь становится. Начнет подтрунивать да грязные анекдоты рассказывать, да, да, наш великий господин Губарев рассказывает грязные анекдоты и так мерзко смеется при этом...

Литвинов. Будто вы так терпеливы? Я, напротив, полагал... Но позвольте узнать, как ваше имя и отчество?

Потугин. Меня зовут Созонтом... Созонтом Иванычем. Дали мне это прекрасное имя в честь родственника, архимандрита, которому я только этим и обязан. Я, если смею так выразиться, священнического поколения. А что вы насчет терпенья сомневаетесь, так это напрасно: я терпелив. Я двадцать два года под начальством родного дядюшки, действительного статского советника Иринарха Потугина, прослужил. Вы его не изволили знать?

Литвинов. Нет.

Потугин. С чем вас поздравляю. Нет, я терпелив. Но возвратимся на первое. Удивляюсь я, милостивый государь, своим соотечественникам. Все унывают, все повесивши нос ходят, и в то же время все исполнены надеждой и чуть что, так на стену и лезут. Вот хоть бы славянофилы, к которым господин Губарев себя причисляет: прекраснейшие люди, а та же смесь отчаяния и задора, тоже живут буквой "буки". Все, мол, будет, будет. В наличности ничего нет, и Русь в целые десять веков ничего своего не выработала, ни в управлении, ни в суде, ни в науке, ни в искусстве, ни даже в ремесле... Но постойте, потерпите: все будет.

А почему будет, позвольте полюбопытствовать? А потому, что мы, мол, образованные люди, – дрянь; но народ... о, это великий народ! Видите этот армяк? вот откуда все пойдет. Все другие идолы разрушены; будемте же верить в армяк. Ну, а коли армяк выдаст? Нет, он не выдаст! Право, если б я был живописцем, вот бы я какую картину написал: образованный человек стоит перед мужиком и кланяется ему низко: вылечи, мол, меня, батюшка-мужичок, я пропадаю от болести; а мужик в свою очередь низко кланяется образованному человеку: научи, мол, меня, батюшка-барин, я пропадаю от темноты. Ну, и, разумеется, оба ни с места.

А стоило бы только действительно смириться – не на одних словах – да попризанять у старших братьев, что они придумали и лучше нас и прежде нас!

Литвинов (с улыбкой). После того, что вы сейчас сказали, мне нечего и спрашивать, какой вы принадлежите партии и какого мнения вы о Европе. Но позвольте мне сделать вам одно замечание.

Вот вы говорите, что нам следует занимать, перенимать у наших старших братьев; но как же возможно перенимать, не соображаясь с условиями климата, почвы, с местными, с народными особенностями? Отец мой, помнится, выписал из Москвы чугунную, отлично зарекомендованную веялку; веялка эта, точно, была очень хороша – и что же? Она целых пять лет простояла в сарае безо всякой пользы, пока ее не заменила деревянная американская – гораздо более подходящая к нашему быту и к нашим привычкам, как вообще все американские машины.

Нельзя, Созонт Иванович, перенимать зря.

Потугин. Не ожидал я от вас такого возражения, почтеннейший Григорий Михайлович. Кто же вас заставляет перенимать зря? Ведь вы чужое берете не потому, что оно чужое, а потому, что оно вам пригодно: стало быть, вы соображаете, вы выбираете. А что до результатов – так вы не извольте беспокоиться: своеобразность в них будет в силу самых этих местных, климатических и прочих условий, о которых вы упоминаете. Вы только предлагайте пищу добрую, а народный желудок ее переварит по-своему; и со временем, когда организм окрепнет, он даст свой сок.

Возьмите пример хоть с нашего языка. Петр Великий наводнил его тысячами чужеземных слов, голландских, французских, немецких: слова эти выражали понятия, с которыми нужно было познакомить русский народ; не мудрствуя и не церемонясь, Петр вливал эти слова целиком, ушатами, бочками в нашу утробу. Сперва – точно, вышло нечто чудовищное, а потом – началось именно то перевариванье, о котором я вам докладывал. Понятия привились и усвоились; чужие формы постепенно испарились, язык в собственных недрах нашел, чем их заменить – и теперь ваш покорный слуга, стилист весьма посредственный, берется перевести любую страницу из Гегеля... да-с, да-с, из Гегеля... не употребив ни одного неславянского слова.

Тургенев (задумчиво). Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный рус-

ский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу! [4]

Потугин. Что произошло с языком, то, должно надеяться, произойдет и в других сферах. Весь вопрос в том – крепка ли натура? А наша натура – ничего, выдержит: не в таких была передрыгах. Бояться за свое здоровье, за свою самостоятельность могут одни нервные больные да слабые народы; точно так же как восторгаться до пены у рта тому, что мы, мол, русские, способны одни праздные люди.

Я очень забочусь о своем здоровье, но в восторг от него не прихожу: совестно-с.

Литвинов. Все так, Созонт Иваныч, но зачем же непременно подвергать нас подобным испытаниям? Сами ж вы говорите, что сначала вышло нечто чудовищное! Ну – а коли это чудовищное так бы и осталось? Да оно и осталось, вы сами знаете.

Потугин. Только не в языке – а уж это много значит!

Тургенев (*задумчиво*). Для выражения многих и лучших мыслей русский язык удивительно хорош по своей честной простоте и свободной силе. Странное дело! Этих четырех качеств – честности, простоты, свободы и силы нет в народе – а в языке они есть... Значит, будут и в народе. [5]

Потугин. А наш народ не я делал; не я виноват, что ему суждено проходить через такую школу. "Немцы правильно развивались, кричат славянофилы, – подавайте и нам правильное развитие!"

Да где ж его взять, когда самый первый исторический поступок нашего племени призвание себе князей из-за моря – есть уже неправильность, ненормальность, которая повторяется на каждом из нас до сих пор; каждый из нас, хоть раз в жизни, непременно чему-нибудь чужому, не русскому сказал: "Иди владети и княжители надо мною!"

Я, пожалуй, готов согласиться, что, вкладывая иностранную суть в собственное тело, мы никак не можем наверное знать наперед, что такое мы вкладываем: кусок хлеба или кусок яда? Да ведь известное дело: от худого к хорошему никогда не идешь через лучшее, а всегда через худшее, – и яд в медицине бывает полезен. Одним только тупицам или пройдохам прилично указывать с торжеством на бедность крестьян после освобождения, на усиленное их пьянство после уничтожения откупов...

Через худшее к хорошему!

Тургенев (*задумчиво*). Когда при мне превозносят богача Ротшильда, который из громадных своих доходов уделяет целые тысячи на воспитание детей, на лечение больных, на призрение старых – я хвалю и умиляюсь. Но, и хваля и умиляясь, не могу я не вспомнить об одном убогом крестьянском семействе, принявшем сироту-племянницу в свой разоренный домишко. «Возьмем мы Катьку», – говорила баба, – «последние наши гроши на нее пойдут, – не на что будет соли добыть, похлебку посолить...» «А мы её... и не соленую», – ответил мужик, ее муж. Далеко Ротшильду до этого мужика! [6]

Потугин (*провел рукой по лицу*). Вы спрашивали меня, какого я мнения о Европе. Я удивляюсь ей и предан её началам до чрезвычайности и нисколько не считаю нужным это скрывать.

Я давно... нет, недавно... с некоторых пор, перестал бояться высказывать свои убеждения... Ведь вот и вы не усомнились заявить господину Губареву свой образ мыслей. Я, слава богу, перестал соображаться с понятиями, воззрениями, привычками человека, с которым беседую. В сущности, я ничего не знаю хуже той ненужной трусости, той подленькой угодливости, в силу которой, посмотришь, иной важный сановник у нас подделывается к ничтожному в его глазах студенту, чуть не заигрывает с ним, зайцем к нему забегает. Ну, положим, сановник так поступает из желания популярности, а нашему брату, разночинцу, из чего вилять?

Тургенев (*иронично*). Жил-был на свете дурак. Долгое время он жил припеваючи; но понемногу стали доходить до него слухи, что он всюду слывет за безмозглого пошлеца. Сму-

тился дурак и начал печалиться о том, как бы прекратить те неприятные слухи? Внезапная мысль озарила наконец его темный умишко... И он, нимало не медля, привел ее в исполнение. Встретился ему на улице знакомый – и принялся хвалить известного живописца...

– Помилуйте! – воскликнул дурак. – Живописец этот давно сдан в архив... Вы этого не знаете? Я от вас этого не ожидал... Вы – отсталый человек.

Знакомый испугался – и тотчас согласился с дураком.

– Какую прекрасную книгу я прочел сегодня! – говорил ему другой знакомый.

– Помилуйте! – воскликнул дурак. – Как вам не стыдно? Никуда эта книга не годится; все на нее давно махнули рукою. Вы этого не знаете? Вы – отсталый человек.

И этот знакомый испугался – и согласился с дураком.

– Что за чудесный человек мой друг N. N.! – говорил дураку третий знакомый. – Вот истинно благородное существо!

– Помилуйте! – воскликнул дурак. – N. N. – заведомый подлец! Родню всю ограбил. Кто ж этого не знает? Вы – отсталый человек!

Третий знакомый тоже испугался – и согласился с дураком, отступился от друга.

И кого бы, что бы ни хвалили при дураке – у него на всё была одна отповедь.

Разве иногда прибавит с укоризной:

– А вы всё еще верите в авторитеты?

– Злюка! Желчевик! – начинали толковать о дураке его знакомые. – Но какая голова!

– И какой язык! – прибавляли другие. – О, да он талант!

Кончилось тем, что издатель одной газеты предложил дураку заведовать у него критическим отделом. И дурак стал критиковать всё и всех, нисколько не меняя ни манеры своей, ни своих восклицаний. Теперь он, кричавший некогда против авторитетов, – сам авторитет – и юноши перед ним благоговейт и боятся его. Да и как им быть, бедным юношам? Хоть и не следует, вообще говоря, благоговеть... но тут, поди, не возблаговей – в отсталые люди попадаешь!

Житье дуракам между трусами. [7]

Потугин. Да-с, да-с, я западник, я предан Европе; то есть, говоря точнее, я предан образованности, той самой образованности, над которою так мило у нас теперь потешаются, – цивилизации, – да, да, это слово еще лучше, и люблю ее всем сердцем, и верю в нее, и другой веры у меня нет и не будет. Это слово: ци...ви...ли...зация (*отчетливо, с ударением произносит каждый слог*) – и понятно, и чисто, и свято, а другие все, народность там, что ли, слава, кровью пахнут... бог с ними!

Литвинов. Ну, а Россию, Созонт Иваныч, свою родину, вы любите?

Потугин (*провел рукой по лицу*). Я ее страстно люблю и страстно ее ненавижу.

Литвинов (*пожимает плечами*). Это старо, Созонт Иваныч, это общее место.

Потугин. Так что же такое? Что за беда? Вот чего испугались! Общее место! Я знаю много хороших общих мест. Да вот, например: свобода и порядок – известное общее место. Что ж, по-вашему, лучше, как у нас: чиновачалие и безурядица? И притом, разве все эти фразы, от которых так много пьянеет молодых голов: презренная буржуазия, главенство народа, право на работу, – разве они тоже не общие места? А что до любви, неразлучной с ненавистью...

Из-за правой кулисы выходит генерал в первом кителе и начинает прохаживаться туда-сюда вдоль транспаранта с фрагментом вагона.

Литвинов (*перебивает*). Байроновщина, романтизм тридцатых годов.

Потугин. Вы ошибаетесь, извините-с; первый указал на подобное смешение чувств Катулл, римский поэт Катулл две тысячи лет тому назад. Я это у него вычитал, потому что

несколько знаю по-латыни, вследствие моего, если смею так выразиться, духовного происхождения.

Да-с; я и люблю и ненавижу свою Россию, свою странную, милую, скверную, дорогую родину. Я теперь вот ее покинул: нужно было проветриться немного после двадцатилетнего сидения за казенным столом, в казенном здании; я покинул Россию, и здесь мне очень приятно и весело; но я скоро назад поеду, я это чувствую.

Хороша садовая земля... да не расти на ней морошке!

*Человек в серых очках берёт от своего стола стул
и усаживается на него на том месте, где стоял.*

Литвинов. Вам весело, вам приятно, и мне здесь хорошо, и я сюда учиться приехал; но это не мешает мне видеть и здесь не только хорошее.

Потугин. Да кто же вам сказал, что и я слеп на это? Только, извините меня, ваше замечание напоминает мне торжествующие указания наших несчастных журнальцев во время Крымской кампании на недостатки английского военного управления, разоблаченные "Тэймсом".

Генерал. Ну, уж это последнее дело! Журналы! Обличение!

Если б это от меня зависело, я бы в этих в ваших журналах только и позволил печатать, что таксы на мясо или на хлеб да объявления о продаже шуб да сапогов.

Потугин. Я сам не оптимист, и все человеческое, вся наша жизнь, вся эта комедия с трагическим концом не представляется мне в розовом свете; но зачем навязывать именно Западу то, что, быть может, коренится в самой нашей человеческой сути? Этот местный игорный дом безобразен, точно; ну, а доморощенное наше шулерство небось красивее?

Нет, любезнейший Григорий Михайлович, будемте помирнее да потише: хороший ученик видит ошибки своего учителя, но молчит о них почтительно; ибо самые эти ошибки служат ему в пользу и наставляют его на прямой путь. А если вам непременно хочется почесать зубки насчет гнилого Запада, то это лучше не со мной!

Литвинов (*поспешно*). Да позвольте, позвольте, я предпочитаю беседу с Вами...

Генерал осанисто передевается во второй китель и головной убор.

Потугин (*перебивает*). Очень Вам благодарен, но я уже так-таки многоноcko беседовал с вами, то есть, собственно, говорил я один, а вы, вероятно, сами по себе заметили, что человеку всегда как-то совестно и неловко становится, когда он много наговорит – один. Особенно так, с первого раза: вот, мол, я каков, посмотри! До приятного свиданья... А я, повторяю, очень рад моему знакомству с вами. (*Раскланивается и исчезает из окна.*)

Генерал (*во втором кителе*). Когда некоторое, так сказать, омрачение овладевает даже высшими умами, мы должны указывать – с покорностью указывать (*протягивает палец*), – указывать перстом гражданина на бездну, куда все стремится. Мы должны предостерегать; мы должны говорить с почтительною твердостью: "Воротитесь, воротитесь назад..." Вот что мы должны говорить. Совсем; совсем назад, дражайший. Чем дальше назад, тем лучше. (*Вежливо взглядывает на Литвинова.*)

Литвинов. Уж, не до семибоярщины ли нам вернуться, ваше превосходительство?

Генерал. А хоть бы и так! Я выражаю свое мнение не обинуясь; надо переделать... да... переделать всё сделанное.

Литвинов. И Манифест об отмене крепостного права?

Генерал. И Манифест – насколько это возможно. Быть или не быть патриотом. А воля? – скажут мне. Вы думаете, сладка народу эта воля? Спросите-ка его...

Литвинов. Попробуйте, попробуйте отнять у него эту волю...

Генерал (*изнеженным, почти расслабленным голосом*). Я сейчас сказал, что надобно совсем, назад вернуться. Поймите меня. Я не враг так называемого прогресса; но все эти университеты да семинария там, да народные училища, эти студенты, поповичи, разночинцы, вся эта мелюзга, все эти подонки, мелкие собственники, хуже пролетариата, вот что меня пугает... вот где нужно остановиться... и остановить. (*Ласково взглядывает на Литвинова.*) Да-с, нужно остановиться. Не забудьте, ведь у нас никто ничего не требует, не просит. Самоуправление, например, – разве кто его просит? Вы его разве просите? Или ты? или ты? или вы, mesdames? Вы уж и так не только самими собою, всеми нами управляете. (*Лицо генерала оживилось забавною усмешкой.*) Друзья мои любезные, зачем же зайцем-то забегать? Демократия вам рада, она кадит вам, она готова служить вашим целям... да ведь это меч обоюдоострый. Уж лучше постарому, по-прежнему... верней гораздо. Не позволяйте умничать черни, да вверьтесь аристократии, в которой одной и есть сила... Право, лучше будет. А прогресс... я, собственно, ничего не имею против прогресса. Не давайте нам только адвокатов, да присяжных, да земских каких-то чиновников, да дисциплины, – дисциплины пуще всего не трогайте, а мосты, и набережные, и госпитали вы можете строить, и улиц отчего не освещать? (*Генерал осанисто переодевается в третий китель и головной убор.*)

Человек в серых очках (*повернувшись к зрительному залу*). Я чернь не презираю; я вообще народ не презираю. Прежде чем презирать других, надо бы начать с самого себя... что со мной случается лишь урывками... когда мне есть нечего. Презирать народ?! С какой стати? Народ – то же, что земля. Хочу, пашу ее... и она меня кормит; хочу, оставляю ее под паром. Она меня носит – а я ее попираю. Правда, иногда она вдруг возьмет да встряхнется, как мокрый пудель, и повалит всё, что мы на ней настроили, – все наши карточные домики. Да ведь это, в сущности, редко случается – эти землетрясения-то. С другой стороны, я очень хорошо знаю, что, в конце концов, она меня поглотит... И народ меня поглотит тоже. Этому помочь нельзя. А презирать народ? Презирать можно только то, что при других условиях следует уважать. А тут ни тому, ни другому чувству места нет. Тут надо пользоваться умеючи. Всем уметь пользоваться – вот что надо.

Генерал. Да о чем вы тут толкуете? О журналах все? О шелкоперах?

Позвольте, я вам расскажу, какой у меня был анекдот с шелкопером – чудо! Говорят мне: написал на вас газетный писака пасквиль. Ну, я, разумеется, тотчас его под цугундер. Привели голубчика... "Как же это ты так, говорю, друг мой, писака, пасквиль пишешь? Аль патриотизм одолел?" "Одолел", – говорит. "Ну, а деньги, говорю, писака, любишь?" "Люблю", – говорит. Тут я ему, милостивые государи мои, дал набалдашник моей палки понюхать. "А это ты любишь, ангел мой?" "Нет, – говорит, – этого не люблю". "Да ты, я говорю, понюхай, как следует, руки-то у меня чистые". "Не люблю", – говорит, и полно. "А я, говорю, душа моя, очень это люблю, только не для себя. Понимаешь ты сию аллегория, сокровище ты мое?" "Понимаю", – говорит. "Так смотри же, вперед будь паинька, а теперь вот тебе целковый-рупь, ступай и благословляй меня денно и ночью". И ушел писака.

Тургенев (*иронично*). Двое друзей сидят за столом и пьют чай. Внезапный шум поднялся на улице. Слышны жалобные стоны, ярые ругательства, взрывы злорадного смеха.

– Кого-то бьют, – заметил один из друзей, выглянув из окна.

– Преступника? Убийцу? – спросил другой. – Слушай, кто бы он ни был, нельзя допустить бессудную расправу. Пойдем, заступимся за него.

– Да это бьют не убийцу.

– Не убийцу? Так вора? Всё равно, пойдем, отнимем его у толпы.

– И не вора.

– Не вора? Так кассира, железнодорожника, военного поставщика, российского мещанина, адвоката, благонамеренного редактора, общественного жертвователя? Все-таки пойдем, поможем ему!

– Нет... это бьют корреспондента.

– Корреспондента? Ну, знаешь что: допьем сперва стакан чаю. [8]

Генерал (*восклицает.*) Сильная власть и обхождение! Сильная власть в особенности! А сие по-русски можно перевести тако: вежливо, но в зубы! (*Гордой походкой удаляется за правую кулису.*)

Потугин (в шляпе, с газетой в руке) возвращается в «своё» окно фрагмента вагона.

Потугин. Только предупредю вас: если вы хотите со мной разговор вести, не прогнайтесь – я нахожусь теперь в самом мизантропическом настроении и все предметы представляются мне в преувеличенно скверном виде.

Литвинов. Это ничего, Созонт Иваныч, это даже очень кстати... Но отчего на вас нашел такой стих?

Потугин. По-настоящему, мне бы не следовало злиться. Я вот сейчас вычитал в газете (*махнул рукой с газетой*) проект о судебных преобразованиях в России и с истинным удовольствием вижу, что и у нас хватились, наконец, ума-разума и не намерены более, под предлогом самостоятельности там, народности или оригинальности, к чистой и ясной европейской логике прицеплять доморощенный хвостик, а, напротив, берут хорошее чужое целиком.

Довольно одной уступки в крестьянском деле... Подите-ка развяжитесь с общим владением! (*Раскрывает газету и читает.*) «Сельское общество может также, на основании общих законов, приобретать в собственность движимые и недвижимые имущества. Землями, приобретенными в собственность независимо от своего надела, общество может распоряжаться по своему усмотрению, разделять их между домохозяевами и предоставлять каждому участок в частную собственность или оставлять сии земли в общем владении всех домохозяев». [9]

Точно, точно, мне не следовало бы злиться; да, на мою беду, наскочил я на русский самородок, побеседовал с ним, а эти самородки да самоучки меня в самой могиле тревожить будут!

Литвинов. Какой самородок?

Потугин. Да тут такой господин бегаёт, гениальным музыкантом себя воображает. "Я, говорит, конечно, ничего, я нуль, потому что я не учился, но у меня не в пример больше мелодий и больше идей, чем у Мейербера".

Во-первых, я скажу: зачем же ты не учился?

А во-вторых, не то что у Мейербера, а у последнего немецкого флейтщика, скромно высвистывающего свою партию в последнем немецком оркестре, в двадцать раз больше идей, чем у всех наших самородков; только флейтщик хранит про себя эти идеи и не суется с ними вперед в отечестве Моцартов и Гайднов; а наш брат самородок "трень-брень" вальсик или романсик, и смотришь – уже руки в панталоны и рот презрительно скривлен: я, мол, гений.

Человек в серых очках (*повернувшись к зрительному залу*). Понятное дело: все славяне – меломаны. Самое это последнее искусство. Когда оно не действует на человека – скучно; когда действует – вредно.

Потугин. И в живописи то же самое, и везде. Уж эти мне самородки! Да кто же не знает, что щеголяют ими только там, где нет ни настоящей, в кровь и плоть перешедшей науки, ни настоящего искусства?

Неужели же не пора сдать в архив это щеголянье, этот пошлый хлам вместе с известными фразами о том, что у нас, на Руси, никто с голоду не умирает, и езда по дорогам самая скорая, и что мы шапками всех закидать можем? Лезут мне в глаза с даровитостью русской природы, с гениальным инстинктом, с Кулибиным... Да какая это даровитость, помилуйте, господа? Это лепетанье спросонья, а не то полузвериная сметка.

Инстинкт! Нашли чем хвастаться! Возьмите муравья в лесу и отнесите его на версту от его кочки: он найдет дорогу к себе домой; человек ничего подобного сделать не может; что ж?

разве он ниже муравья? Инстинкт, будь он распрегениальный, не достоин человека: рассудок, простой, здоровый, дюжинный рассудок – вот наше прямое достояние, наша гордость; рассудок никаких таких штук не выкидывает; оттого-то все на нем и держится.

А что до Кулибина, который, не зная механики, смастерил какие-то пребезобразные часы, так я бы эти самые часы на позорный столб выставить приказал; вот, мол, смотрите, люди добрые, как не надо делать. Кулибин сам тут не виноват, да дело его дрянь.

Хвалить Телушкина, что на адмиралтейский шпиль лазил, за смелость и ловкость можно; отчего не похвалить?

Тургенев (*повернувшись к зрительному залу*). Петр Телушкин – казенный крестьянин из Ярославской губернии, мастер кровельного дела, без лесов, пользуясь только веревками, поднялся осенью 1830 г. на шпиль Петропавловского собора в Петербурге и починил крест и крыло у металлической фигуры ангела.

Потугин. Но не следует кричать, что, дескать, какой он нос наклеил немцам-архитекторам! И на что они? Только деньги берут... Никакого он им носа не наклеивал: пришлось же потом леса вокруг шпиля поставить, да починить его обыкновенным порядком.

Не поощряйте, ради бога, у нас на Руси мысли, что можно чего-нибудь добиться без учения! Нет; будь ты хоть семи пядей во лбу, а учись, учись с азбуки! Не то молчи, да сиди, поджавши хвост! Фу! Даже жарко стало! (*Снимает шляпу и машет ею на себя.*)

Русское художество, русское искусство! Русское друженье я знаю и русское бессилие знаю тоже, а с русским художеством, виноват, не встречался. Двадцать лет сряду поклонялись этакой пухлой ничтожности, Брюллову, и вообразили, что и у нас, мол, завелась школа, и что она даже почище будет всех других ... Русское художество, ха-ха-ха! хо-хо!

Человек в серых очках (*повернувшись к зрительному залу*). Искусство только одно и есть: ваяние. Вот это холодно, бесстрастно, величаво – и зарождает в человеке мысль – или иллюзию, как угодно, – о бессмертии и вечности. Живопись? Крови много, тела, красок... много греха. Голых женщин пишут! Статуя никогда гола не бывает. И к чему разжигать человека? Люди и так все грешны, преступны; все насквозь проникнуты грехом.

Литвинов. Но, однако, позвольте, Созонт Иваныч. Глинку вы, стало быть, тоже не признаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.